УДК 343.103
DOI 10.36511/2078-5356-2020-4-128-133

Зиновьева Екатерина Сергеевна
Ekaterina S. Zinov'eva

адъюнкт адъюнктуры
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

a postgraduate student
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: Ekaterina-smirnova27@mail.ru

Эволюция института поручительства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве XIX века

The evolution of the guarantee institution in the domestic criminal procedure legislation of the XIX century

В настоящей статье исследуются особенности регламентации института поручительства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, которое было представлено Сводом законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 года и Уставом уголовного судопроизводства 1864 года. В ходе изучения теоретических трудов отечественных дореволюционных правоведов, вышеупомянутых правовых памятников и других нормативных документов автору удалось выявить закономерности развития института поручительства, определить проблемы применения данной меры пресечения, а также установить пробелы и неопределенности ее законодательного закрепления.

Ключевые слова: поручительство, поручитель, личное поручительство, Свод законов Российской империи, Устав уголовного судопроизводства, Российская империя, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

This article explores the features of the regulation of the guarantee institution in the domestic criminal procedure legislation, which was presented by the Code of laws on the proceedings of crimes of 1832 and the Charter of criminal procedure of 1864. In the course of studying the theoretical works of domestic pre-revolutionary jurists, the above-mentioned legal monuments and other regulatory documents , the author was able to identify the patterns of development of the institution of guarantee, identify the problems of applying this preventive measure, and also establish the gaps and uncertainties of its legislative consolidation.

Keywords: surety, surety, personal surety, Code of laws of the Russian empire, Charter of criminal proceedings, Russian empire, criminal procedure, criminal proceedings.

Отечественной дореволюционной юридической наукой и практикой был накоплен огромный опыт в сфере уголовного судопроизводства. Исследование процесса возникновения и развития института поручительства представляется весьма значимым в силу того, что выявленные закономерности смогут послужить серьезной теоретической базой для современных прикладных научных исследований, что позволит наметить перспективы для совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок применения такой меры пресечения, как личное поручительство. Данное обстоятельство обусловливает актуальность этой статьи.

В настоящее время изучению института поручительства в отечественном дореволюционном праве уделялось внимание лишь путем рассмотрения исторического аспекта в рамках прикладного исследования современных проблем уголовно-процессуального законодательства. В нашей статье предпринята попытка провести комплексное изучение процесса развития института поручительства, пользуясь методоло-

© Зиновьева Е.С., 2020

гией, используемой в историко-правовых исследованиях. Реализуя указанную цель, в исследовании применялась обширная теоретическая и эмпирическая база, включающая в себя труды дореволюционных правоведов и нормативные правовые акты, входившие в состав Свода законов Российской империи различных изданий. Результаты исследования, полученные в связи с применением данного подхода, составляют научную новизну как в историко-правовой науке, так и в науке уголовного процесса.

Поручительство как мера пресечения имело место в российском уголовно-процессуальном законодательстве еще со времен становления и развития Древнерусского государства и издания первых правовых памятников. Стоит заметить, что данная мера пресечения широко применялась только в такие периоды развития государства, когда власть монарха не являлась абсолютной и ничем не ограниченной. Издание Соборного уложения в 1649 году стало переходным этапом на пути к становлению абсолютной монархии и ограничению применения поручительства в уголовном судопроизводстве.

К XVIII веку по мере утверждения в Русском государстве абсолютизма такие меры обеспечения присутствия обвиняемого при следствии и суде как «отдача за пристава» и тюремное заключение получают все большее распространение в уголовном процессе. С начала XVIII века и вплоть до судебной реформы 1864 года вышеуказанные административные меры пресечения становятся господствующими среди применяемых мер пресечения. Дореволюционный и советский правовед П.И. Люблинский связывает это также с развитием разыскного процесса. Поручительство в ходе расследования уголовного дела применялось достаточно редко и носило исключительно личный, неимущественный характер [1, с. 235].

Систематизация законодательства Российской империи под руководством М.М. Сперанского была завершена в 1832 году изданием Свода законов Российской империи, в кодифицированных актах которого также нашлось место институту поручительства наряду с такими мерами, как содержание в тюрьме или при полиции, домашний арест, полицейский надзор [2].

К тому же стоит учитывать то, что в Своде законов о судопроизводстве, регламентирующем применение мер пресечения, не содержалось принципиально новых норм и институтов. В них лишь систематизировались все предписания, издававшиеся в различных нормативных правовых актах, начиная с принятия Соборного уложения 1649 года.

Пределы применения поручительства по Своду законов состояли в тяжести совершенного преступления, а именно: статья 880 гласила о том, что «отдача на поруки допускалась лишь по таким преступлениям, по которым не предусмотрено тяжкого наказания». Анализируя эту норму, стоит задуматься, какие именно наказания считались тяжкими по уголовным законам. Если обратить внимание на наказания по другим мерам пресечения, то устав прямо упоминает только о лишении всех прав состояния, торговой казни, тесно связанных со ссылкой на каторжные работы и поселение, а также тюремное заключение. Однако в Своде 1832 года существовали многие наказания, по своей тяжести находившиеся посередине между лишением всех прав состояния, торговой казнью, ссылкой на каторжные работы и заключением в тюрьму. К таковым относились: лишение некоторых прав состояния, наказание плетьми и розгами, ссылка в Сибирь, временная отдача в арестантские роты гражданского ведомства, заключение в рабочий или смирительный дом. Данные наказания никаким образом не упоминаются в контексте регламентации применения мер пресечения. Вследствие этого возникает неопределенность: при каких конкретно наказаниях применять отдачу на поруки? Свод законов не дает ответа на этот вопрос, что свидетельствует о недостатках, неопределенности и явных пробелах в законодательстве, регламентирующем уголовное судопроизводство.

Вышеописанные проблемы отчасти были разрешены изданием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Уголовное уложение ввело точную классификацию наказаний, степени их тяжести, что само собой повлияло на внесение определенности в порядок применения мер пресечения, в том числе поручительства [3]. После вступления в силу Уголовного уложения были приведены в соответствие законы уголовного судопроизводства, составляющие XV том Свода законов. Переизданный в 1857 году Свод законов содержал в части 2 статьи 134 следующее положение: «в тюрьме содержатся во время следствия и суда все обвиняемые в преступлениях, по которым определяется лишение всех прав состояния или же потеря всех особых, как лично, так и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ве-

домства или в рабочий дом, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда; равно в тюрьме содержатся те, кои были обвинены в других менее важных преступлениях, *не могут представить по себе порук* (курсив наш. — **Е.З.**)» [4]. Предписание этой статьи, касающееся применения поручительства, подробно раскрывалось в следующей статье 137, которая определяла, что «*отдача на поруки* (курсив наш. — **Е.З.**)допускалась в тех случаях, когда обвиняемые могут подлежать наказаниям менее строгим против обозначенных в 134 статье».

Известный дореволюционный правовед, исследователь уголовного процесса И.Я. Фойницкий также критически высказывался по отношению к такой мере, как «отдача на поруки», он считал, что: «поручительство в своде законов стояло на переходной ступени: прежнее начало уголовной ответственности поручителя упразднилось, нового же начала имущественной ответственности еще не было выработано. Поручительство было личное, но поручитель, в сущности, ничем не отвечал за неисполнение обязательства явки, которое он обеспечивал своим словом. В такой форме оно не обеспечивало судебную власть, а потому к поручительству прибегали очень редко; общим правилом оставалось личное задержание обвиняемых» [5, с. 54].

Такое критическое отношение имело серьезные основания. Если обратиться к немногочисленным случаям применения указанной меры на практике, то можно обнаружить, что это было чревато серьезными злоупотреблениями. За скромное вознаграждение поручителем мог выступить абсолютно любой человек, поручителем мог стать, например, отставной солдат, оставивший или исключенный со службы государственный чиновник или тюремный сторож. Часто происходило так, что поручители были даже не знакомы с обвиняемыми, за которых они ручались. Такие примеры из практики можно обнаружить в отечественной дореволюционной юридической литературе, посвященной данной проблеме. А.И. Кистяковский приводил пример, что «по свидетельству одного из лиц прокурорского надзора, во всех городах и местечках Волынской губернии, населенных евреями, имелись из среды последних, так сказать, штатные поручители, люди большею частью престарелые, бедные и незавидного поведения , которые за рубль готовы были во всякое время взять на поруки самого важного вора» [6, с. 107].

Иными словами, в следственно-судебной практике поручительство почти не применялось, поскольку являлось неэффективной мерой процессуального обеспечения в силу того, что, во-первых, не предусматривало никакой ответственности для поручителя за нарушение меры пресечения обвиняемым, а, во-вторых, законодательством не была предусмотрена имущественная ответственность по отношению к поручителю. К поручительству допустимо было прибегнуть только в том случае, если поручителем выступал человек, обладавший большим авторитетом и влиянием, чье слово имело серьезный вес для органов уголовного правосудия.

Затрагивая сущность возникающих проблем при применении поручительства на практике, стоит упомянуть о коллизионности уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процесс расследования дела. До образования должностей судебных следователей в 1860 году расследование уголовных дел производилось полицией. Полицейские органы руководствовались не только теми правовыми нормами, речь о которых шла выше, но и другими, смысл которых расходился с содержанием статьи 134 и статьи 137. В частности, статья 858 предписывала полиции учинивших маловажное преступление брать по стражу. Стоит обратить внимание на то, что данная норма имела прямое обращение к полиции, соответственно, полицейские органы руководствовались ей в первую очередь. Такие требования, содержащиеся в нормах, регламентирующих обязанности полиции, шли вразрез с предписаниями законов уголовного судопроизводства. Полицейские органы при осуществлении следствия на практике не применяли поручительство, как этого требовало законодательство об уголовном судопроизводстве, а, напротив, применяли иные меры пресечения, как этого требовало законодательство, регламентирующее обязанности полиции.

Некоторые положения законов, регламентирующих уголовное судопроизводство, напрямую запрещали использовать отдачу на поруки в качестве меры пресечения по конкретным преступлениям. К таковым относилось, например, конокрадство. Статьи 474 и 486 тома XIV Свода законов не допускали применение поручительства, а требовали использовать на время следствия и суда меру пресечения в виде заключения под стражей. Это было обусловлено тем, что в исследуемый период наблюдался высокий темп роста данных преступлений. Имелась и статистика, подтверждающая такую высокую динамику. В «Журнале Министерства внутренних дел» ежегодно публиковалось коли-

чество совершенных преступлений против имущества. Если обратиться к конкретным цифрам, то в 1856 году из 20 631 кражи 7377 эпизодов было связано с конокрадством [6, с. 176].

Аналогичная законодательная практика складывалась по преступлениям, связанным с бродяжничеством, или по иным преступлениям по Уставу о ссыльных [7]. По данным преступлениям также органам расследования запрещалось отдавать обвиняемого на поруки до решения суда. Даже обвиняемый, оговоренный в суде свидетельскими показаниями другого ссыльного, мог быть отдан на поруки только в том случае, когда достаточно других улик, доказывающих его невиновность. Строгость применения мер пресечения по таким преступлениям объясняется тем, что ссыльные, осужденные на лишение прав, не могли пользоваться теми гарантиями личной свободы, какие предоставлялись не потерявшим своих прав лицам.

В итоге по поводу несовершенства законодательного закрепления меры пресечения в виде отдачи на поруки можно сказать одно, что это было связано с тем, что систематизированный Свод законов Российской империи представлял собой инкорпорацию ранее принятых царских указов и иных нормативных документов, то есть объединение их в тематический сборник. Однако, как указывалось нами выше, нередко возникающие пробелы в законодательстве ликвидировались изданием дополнительных нормативных актов и внесением новых положений в состав существующих кодифицированных документов.

Закрепление в законодательстве, позволяющее эффективное применение на практике, поручительство получило только в результате проведения в Российской империи судебной реформы в рамках «великих реформ». Судебная реформа предполагала коренное изменение устройства судебной власти, в пределах которой создавались две ветви судов — мировых и общих установлений. Исходя из этого, поручительство как мера пресечения способов уклоняться от суда и следствия оформилась в двух ключевых процессуальных нормативных документах — Уставе уголовного судопроизводства [8] и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [9].

Мировой судья в рамках своей компетенции мог прибегнуть к использованию данной меры только в тех случаях, когда обвиняемый подозревался в проступке, за совершение которого предусмотрена ответственность в виде денежного взыскания или ареста, а также в том случае, если с него «отыскивается вознаграждение». В таком случае поручительство могло применяться наравне с такими мерами, как подписка о явке или требования представления вида на жительство. Поручительство также могло применяться в случаях, когда обвиняемый подозревался в преступлении, за которое применялось наказание в виде заключения в тюрьме или более строгое наказание. Так гласила статья 77 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Устав содержал законодательное определение понятия «поручительство», которое состояло «в принятии на себя поручителем денежной ответственности в случае уклонения обвиняемого от суда». Мировой судья мог самостоятельно определить сумму поручительства в соответствии со строгостью назначаемого наказания, предусмотренного за совершение преступных действий, в которых подозревается лицо. Сумма также зависела от финансового состояния поручителя. Величина денежной ответственности по поручительству не могла быть меньше суммы иска, предъявляемого потерпевшим, если он аргументированно и доказательно подтверждал размер этой суммы.

Применение поручительства мировой судья оформлял постановлением, которое подписывалось им самим, а также поручителем, который впоследствии получал копию постановления.

Подозреваемый, отпущенный под поручительство, не должен был отлучаться без разрешения мирового судьи из города, либо участка, где расследовалось уголовное дело в отношении него.

В том случае если обвиняемый совершал побег или уклонялся от явки в суд, денежная сумма, внесенная поручителем, обращалась в пользу мирового суда и имела впоследствии конкретное назначение — на устройство мест заключения для подвергаемых аресту в мировых участках.

Четвертая глава Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая называлась «О постановлении и объявлении приговоров» также упоминала о применении поручительства за обвиняемого, в отношении которого был вынесен приговор, но еще не вступивший в законную силу. Исходя из этого можно прийти к выводу, что поручительство в рамках производства по уголовным делам, осуществляемого мировыми судьями, могло применяться как мера пресечения на двух стадиях — на стадии судебного разбирательства дела и на стадии производства в суде второй инстанции.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года впервые в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве были четко закреплены и обозначены стадии уголовного процесса.

После первой (факультативной) стадии — полицейского дознания наступала вторая стадия — предварительное следствие. Шестая глава Устава под названием «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия» содержались меры для воспрепятствования обвиняемому уклоняться от следствия, среди которых была такая мера, как отдача на поруки.

Судебный следователь — новая процессуальная должность, появившаяся в российском уголовном судопроизводстве в результате реформы, мог применить меру «отдачу на поруки» по отношению к обвиняемым в преступлениях или проступках, наказания за которые применялись в виде заключения в тюрьме, смирительном доме или крепости без ограничения прав и преимуществ. Разновидность меры пресечения напрямую зависела от наказания за совершенное преступление, закрепленного в уголовном законодательстве. Нормы устава, регламентирующие вопрос применения меры пресечения, содержат бланкетные нормы, отсылающие к нормам Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Рассуждая о наказаниях по поводу применения такой меры, как отдача на поруки, обратимся к статьям 39, 41 и 42 Уголовного уложения, чтобы уяснить соразмерность наказания за преступление и применяемую к обвиняемому на стадии предварительного следствия меру пресечения. По статье 39 Уложения арест применялся по мере вины от 1 до 4 степени, каждая степень предусматривала определенный срок ареста. Статья 41 предусматривала порядок наложения денежного взыскания, а статья 42 регламентировала порядок поступления сумм, взымаемых по денежным взысканиям в пользу государственного казначейства.

Устав уголовного судопроизводства определял несколько потенциальных поручителей, ими могли быть любое состоятельное лицо, общество (коммерческое либо некоммерческое) либо управление (организация). Размер денежной ответственности в рамках предварительного следствия определялся аналогично порядку определения этой ответственности в рамках производства по уголовному делу мировым судьей. До внесения денежной суммы поручителем обвиняемому избиралась мера пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу.

Устав позволял поручителям наравне со свидетелями, понятыми и другими участниками уголовного судопроизводства подавать жалобы на действия или бездействия должностных лиц, производящих предварительное следствие.

Далее следует разграничить такие схожие между собой меры пресечения, как «отдача на поруки» и залог, закрепленные Уставом уголовного судопроизводства. Основное различие между ними заключалось в том, что при «отдаче на поруки» денежные средства вносились только в случае побега или уклонения от обвиняемого от явки в суд. Сумма в качестве залога вносилась сразу для того, чтобы не допустить уклонения обвиняемого от участия в следственных действиях и явки в суд. Кроме того, залогом могли выступать не только денежные средства, но и недвижимое имущество.

Закрепленные в судебных уставах обеспечительные меры также вызывали критику у отдельных дореволюционных правоведов. В частности, Н.Ф. Лучинский считал, что большинство обвиняемых не могли внести даже незначительного залога, поэтому необходимо упразднить «не выдерживающие критики ни с процессуальной, ни с практической точки зрения введение в лестницу мер обеспечения поручительства и залога» [10, с. 61—62].

Также Н.Ф. Лучинский отмечал, что чаще всего добросовестными и надежными поручителями являлись крестьяне [10, с. 359]. Осмысливая этот факт, важно вспомнить, что обычаи и взаимоотношения в крестьянской общине на рубеже XIX—XX веков мало отличались от средневековых, описываемых нами выше. Несомненно, культура, быт и правосознание с веками развивались в российской обществе, однако это в большей степени касалось неподатного сословия и духовенства. Крестьянской общине удалось законсервировать средневековый дух сплоченности своих членов, родственных отношений друг с другом. В какой-то степени нравственная обязанность отстоять своих общинников сохранилась до XX века. Именно это обстоятельство позволяет объяснить тот факт, что наиболее надежными поручителями выступали крестьяне в условиях нового на тот момент уголовно-процессуального законодательства.

В заключение стоит отметить, что судебные уставы 1864 года стали кульминацией развития отечественного законодательства, регламентирующего применение такой меры пресечения, как поручительство. Буржуазный характер про-

водимых реформ во второй половине XIX века обусловил закрепление и применение на практике самой эффективной разновидности поручительства, предусматривающей денежное взыскание за несоблюдение определенной следователем или судом мерой пресечения. Отсутствие до 1864 года положительной практики применения личного неимущественного поручительства вынудило законодателя отказаться от такой меры. Эффективность поручительства по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года доказывает тот факт, что данные нормы без изменений содержались в российском законодательстве вплоть до революционных событий 1917 года.

Примечания

1. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе: Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб.: Сенат. тип., 1906. 701 с.

2. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV, Кн. II.

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845 г. // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб.: Гос. Тип., б. г.

4. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV, Кн. II.

5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 607 с.

6. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб.: «Судебный вестник», 1868. 194 с.

7. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV.

8. Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. XVI. Ч. I.

9. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. XVI. Ч. I.

10. Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. СПб.: ред. журн. «Тюрем. вестн.», 1904. 180 с.

References

1. Lublinskiy P.I. Personal freedom in criminal proceedings: Measures to ensure the accused's non-evasion of justice. St. Petersburg: Senate. typ., 1906. 701 p.

2. Code of laws on judicial proceedings for crimes. *Code of laws of the Russian empire*. St. Petersburg, 1832. Vol. XV. Book II. (In Russ.)

3. The Code of criminal and correctional sentences, 1845. *Code of laws of the Russian empire*. Vol. XV. St. Petersburg: State. type., b. g. (In Russ.)

4. Code of laws on legal proceedings for crimes. *Code of laws of the Russian empire*. St. Petersburg, 1857. Vol. XV. Book II. (In Russ.)

5. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings / ed. A.V. Smirnov. St. Petersburg: Alpha Publ., 1996. 607 p. (In Russ.)

6. Kistyakovsky A.F. About suppression of accused ways to evade investigation and trial. St. Petersburg: "Judicial Bulletin" Publ., 1868. 194 p. (In Russ.)

7. The Charter of the exiles. *Code of laws of the Russian empire*. St. Petersburg, 1857. Vol. XIV. (In Russ.)

8. The charter of criminal proceedings. *Code of laws of the Russian empire*. St. Petersburg, 1892. Vol. XVI. Part I. (In Russ.)

9. The charter on the punishments imposed by justices of the peace. *Code of laws of the Russian empire*. St. Petersburg, 1892. Vol. XVI. Part I. (In Russ.)

10. Luchinsky N.F. The basics of prison affairs. St. Petersburg: ed. journal "Prison bulletin" Publ., 1904. 180 p. (In Russ.)